

читься что-то неприятное, непредвиденное, жалеет себя и упивается собственным страданием. В современной культуре страдание низводится до болезни тела. Как говорит президент Российской гастроэнтерологической ассоциации Владимир Ивашкин, «печень страдает молча, и это молчаливое страдание – причина, по которой многие считают, что у них все в порядке».

Лишь генетической памятью мы понимаем, что страдание делает человека Человеком: «И если некоторым людям не хватает сострадания, значит, должен быть механизм, который бы принудил их поступать по-человечески» (газета «Друзья животных». Минск, 2011, № 17).

Итак, концепт *страдание* тесно связан в русской культуре с *мужеством*, которое позволяет переносить тяжесть страданий, *греха*, во искупление которого даются страдания, *страха*, ибо страдания даются самой судьбой, а также *совести* (Достоевский считал, что человек сам ищет страдания, чтобы упокоить свою совесть), *благодатью* («страдания – святая благодать» у В. Жуковского), *страдание* – обратная сторона *любви*, а значит связано с концептом «счастье», а также с многочисленными синонимичными концептами *сострадание*, *сопереживание*, *сочувствие*, *милосердие*, *жалость*, *милость*. На периферии данной концептосферы находятся концепты *радость*, *счастье*, и даже *юмор*. В белорусской культуре *страдание* тесно связано с *любовью*, *тяжелой ношей*, *терпением*, *борьбой* и *трудом*. Следовательно, данный концепт многолик и в русском, и в белорусском языковом сознании, но связаны он с разными концептами, создающими свою для каждого народа концептосферу страдания.

1. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.

ОТАНТРОПОНИМНАЯ УРБАНОНИМИЯ ВИТЕБЩИНЫ И СМОЛЕНЩИНЫ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ

А.М. Мезенко

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

В последние десятилетия в науке об именах собственных на первое место выходят вопросы региональной ономастики, привлекающие внимание все большего числа современных исследователей (в России Е.Л. Березович, Л.И. Дмитриева, Л.А. Климкова, Г.Ф. Ковалев, И.А. Королева, Н.А. Максимчук, Р.Ю. Намиткова, С.А. Попов, А.Н. Соловьев, В.И. Супрун, Ю.И. Чайкина, А.И. Яценко; в Беларуси В.М. Генкин, Ю.А. Гурская, А.Н. Деревяго, З.М. Заика, И.Л. Копылов, О.М. Ляшкевич, А.А. Лукашанец, А.Ф. Рогалев, Г.К. Семенькова, Т.И. Синкевич, Т.В. Скребнева, П.В. Стецко, З.В. Шведова, В.В. Шур, Н.Р. Якубук и др.). Одним из важнейших направлений современной топонимики является сравнительно-сопоставительное.

Восточнославянская урбанонимная традиция складывается из региональных и местных традиций. Активные изменения в общественно-политическом устройстве, укладе жизни бывших республик СССР, в частности Беларуси и России, находят свое отражение в названиях внутригородских объектов исследуемых приграничных регионов – Витебщины и Смоленщины, послуживших **материалом** данного исследования.

Цель работы – выявить общие и отличительные черты в отантропонимных системах урбанонимов приграничных белорусских и русских городов (основой для сопоставления послужили данные А.Н. Соловьева по урбанонимии Смоленского края).

Результаты и их обсуждение. Одной из общих черт витебской и смоленской урбанонимных систем является сохранение в них наименований, восходящих, к идеологическим пластам предыдущей советской эпохи. Это в первую очередь названия, связанные с классиками марксизма-ленинизма (*Ленин* – 45 названий на Витебщине, 46 – на Смоленщине; *Маркс* – 21 и 23, *Энгельс* – 16 и 11), деятелями советского государства (*Калинин* – 33 на Витебщине, 11 – на Смоленщине; *Киров* – 29 и 20, *Свердлов* – 19 и 18, *Дзержинский* – 30 и 11, *Володарский* – 19 и 11, *Урицкий* – 8 и 12); во-вторых, с русскими и советскими писателями (*Горький* – 33 и 22, *Пушкин* – 33 и 22, *Герцен* – 5 и 6, *Гоголь* – 21 и 15, *Маяковский* – 20 и 15, *Лермонтов* – 13 и 11). При этом для писателей, как отмечает А.Н. Соловьев, «при номинации улиц важно не только художественное, но и идеологическое значение их творчества: Герцен как деятель освободительного движения, Горький как пролетарский писатель» [2, 57].

Из-за меньшей идеологической составляющей творчества художников, скульпторов, музыкантов, композиторов названия улиц в честь данных категорий представителей искусств менее распространены на территории обеих из сопоставляемых областей. При этом, если в городах Смоленской области представители этих видов искусств имеют непосредственное отношение к городу, где расположен соответствующий линейный объект (ср. ул. *Коненкова* в Смоленске, ул. *Бембеля* в Велиже), то в городах Витебской области и ее центре имена таких видных представителей данных видов искусств, как Казимир Малевич, Юрий Пэн, Иван Соллертинский, Марк Фрадкин и др., имевших прямое отношение к Витебску, не нашли места на его географической карте.

Мемориальные наименования в память о военных деятелях также имеют широкое распространение на территории двух приграничных ареалов. Так, в городах и Смоленской и Витебской областей отмечены улицы *Матросова*, *Гастелло*, *Буденного*, *Котовского*, *Чапаева*, *Лазо*, *Лизы Чайкиной* и др. При этом необходимо отметить, что на Витебщине основу отантропонимной части урбанонимикона составляют названия улиц, данные в честь участников Великой Отечественной войны и освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, которые условно подразделяются на пять групп: в честь руководителей и организаторов подпольного движения (21 годоним: ул. *Кореневского* – г.п. Улла, г.п. Ушачи, ул. *Булойчика* – г. Браслав и др.); в честь участников Великой Отечественной войны (19 годонимов: ул. *Пустельникова* – г. Орша, ул. *Соболевского* – г. Городок и др.); в честь партизан (19 годонимов: ул. *Ковалёва* – г.п. Езерище, ул. *Давыдовой* – г.п. Оболь и др.); в честь участников коммунистического и комсомольского подполья (10 годонимов: ул. *Хомченовского* – г.п. Россоны, ул. *Братьев Белявских* – г. Орша и др.); в честь участников освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков (9 годонимов: ул. *Кочкаря* – г. Верхнедвинск, ул. *Юхновца* – г. Бегомль и др.). С другой стороны, местной смоленской особенностью можно считать наличие пласта внутригородских названий, связанных с событиями 1812 г. По данным А.Н. Соловьева, на территории Смоленской области насчитывается 24 подобных годонима: ул. *Багратиона*, *Баркляя-де-Толли*, *Василисы Кожинной*, *Дохтурова*, *Кутузова*, *Неверовского*, *Раевского* и др.

С точки зрения проявления гендерных отличий урбанонимия Витебщины, как и Смоленщины, маскулиноцентрична. В частности, в начале XXI в. в городах Витебской области зафиксировано около 360 наименований улиц, образованных от мужских антропонимов, и около 30 наименований, восходящих к женским антропонимным формулам (улицы *Давыдовой*, *Надежды Костюченко*, *Маргевич*, *Мариненко*, *Мироновой*, *Софьи Панковой*, *Азолиной*, *Зеньковой*, *Костецкой*, *Су-*

равнёвой, Гусноловой-Марченко, Горецкой, Козловой, Анны Мисуна, Е. Лось, Евфросиньи Полоцкой, Виноградовой, З. Космодемьянской, Зинаиды Портновой, Лизы Чайкиной, Терешковой, Никандровой, М. Цветаевой, П. Осипенко, Шевцовой, Крупской, Розы Люксембург, Ларинская улица); это значит в 12 раз меньше, чем первых. Еще одним проявлением гендерных отличий в топонимии можно считать диапазон рубрик в аспекте фоновых знаний антропонимов, легших в основу «мужских» и «женских» наименований улиц. В мужской части топонимиконы их насчитывается 21, а в женской – только 9 [1, 19-20].

В урбанонимии Смоленской области насчитывается 37 названий, относящихся к женщинам, большинство из которых (20) посвящены памяти женщин-военных (улицы Марины Расковой, Валентины Гризодубовой, Василисы Кожинной, Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной), в честь космонавта Терешковой, деятелей революционного движения Засулич, Перовской, Клары Цеткин, Розы Люксембург), то есть представительниц традиционно мужских профессий. Все это свидетельствует, что гендерные отличия, заложенные в природе человека, до нашего времени поддерживаются своего рода дискриминационными установками.

Значителен процент одинаковости (65%) и в выборе имен личностей, послуживших базой для образования урбанонимов Витебщины и Смоленщины. Сравним двадцатки самых популярных из них в двух областях. Так, в Витебской к ним относятся (в порядке убывания) Ленин, Заслонов, Гагарин, Фрунзе, Пушкин, Горький, Калинин, Чкалов, Дзержинский, Киров, Я. Купала, Крупская, Я. Колас, Некрасов, Доватор, Чапаев, Гоголь, Маркс, Маяковский, Володарский; в Смоленской – Ленин, Маркс, Горький, Пушкин, Мичурин, Киров, Глинка, Свердлов, Гоголь, Гагарин, Чкалов, Маяковский, Кутузов, Калинин, Чапаев, Урицкий, Лермонтов, Володарский, Энгельс, Дзержинский.

Заключение. Исследованные антропонимные урбанонимы относятся к зонам с близкими культурными и историческими традициями, однако каждый из урбанонимиконов, помимо общих черт, обладает своеобразием, связанным с проявлением местных номинационных традиций.

1. Мезенка, Г.М. Унутрыгарадскія – унутрысельскія назвы і гендэр / Г.М. Мезенка // Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – С. 18-23.
2. Соловьев, А.Н. Антропоцентричный фактор в урбанонимии Смоленского края / А.Н. Соловьев // Материалы международного семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (Смоленск, 18 ноября 2010 года). – Смоленск: СмолГУ, 2010. – С. 54-60.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СМОЛЕНСКОГО СТУДЕНТА В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ

Е.И. Попова
Смоленск, Смоленский филиал РАНХиГС

В настоящее время, когда антропоцентрический подход в изучении любого явления выдвигается на первый план, внимание все большего числа исследователей обращается к языковой личности. По мнению Ю.Н. Караулова, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [2, с. 38]. Безусловно, большое значение имеет изучение языковой личности при